

Научная статья

УДК 930:355/359.07

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-161-172>

**«Иркутскую же роту следует комплектовать исключительно из войск Приамурского военного округа...» Иркутская дисциплинарная рота в 1899 г.
(по материалам поездки А. Н. Куропаткина)**

Роман Сергеевич Авилов^{1, 2}

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия,

² Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

^{1, 2} avilov-1987@mail.ru

Аннотация. В статье, на впервые вводимых в научный оборот материалах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), рассматривается состояние Иркутской дисциплинарной роты в 1899 г. В этом году состоялась поездка военного министра Российской империи А. Н. Куропаткина в Сибирский военный округ. Визит представляет большой научный интерес, так как имел место, примерно, за четыре года до начала Русско-японской войны 1904–1905 гг. и менее чем за 7 месяцев до начала мобилизации Сибирского военного округа 8 июля 1900 г. в связи с Боксерским восстанием в Китае. Поездка осуществлялась в целях личного ознакомления военного министра с состоянием созданного незадолго до этого Сибирского военного округа, оценки состояния и боеспособности дислоцировавшихся в нем войск, сбора материалов для разработки планов дальнейших военных преобразований в Сибири, а также разработки планов обороны азиатской части Российской империи. Передвигаясь по Великой Сибирской железной дороге, военный министр осмотрел войска крупнейших сибирских гарнизонов: Омска, Томска, Красноярска, Иркутска, в числе которых была и Иркутская дисциплинарная рота в г. Иркутск. В статье публикуется наиболее подробное из известных к настоящему времени описаний этой воинской части в конце XIX в. Анализируются качество кадрового состава роты, ее строевое обучение, хозяйственное и экономическое состояние, казарменное обеспечение. Рассматривается проблема постоянной перегруженности Иркутской дисциплинарной роты в связи с отправкой в нее нижних чинов из Приамурского военного округа, где вообще не было дисциплинарных частей. Делается вывод о том, что некоторое улучшение ситуации намечилось лишь после создания на российском Дальнем Востоке в 1908 г. Анучинской дисциплинарной роты.

Ключевые слова: Сибирский военный округ, Иркутский военный округ, Приамурский военный округ, Иркутская дисциплинарная рота, Анучинская дисциплинарная рота, Верхнеудинский дисциплинарный батальон, А. Н. Куропаткин, Восточная Сибирь, Забайкалье, Иркутск, русская армия

Для цитирования: Авилов Р. С. «Иркутскую же роту следует комплектовать исключительно из войск Приамурского военного округа...» Иркутская дисциплинарная рота в 1899 г. (по материалам поездки А. Н. Куропаткина) // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 1. С. 161–172. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-161-172>

Original article

**“But the Irkutsk Company must be recruited only from the troops of Priamour Military District...” The Irkutsk Disciplinary Company in 1899
(based on material of visit of Aleksey N. Kuropatkin)**

Roman S. Avilov^{1, 2}

¹ Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS, Vladivostok, Russia,

² Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

^{1, 2} avilov-1987@mail.ru

Abstract. This article based on a large body of unpublished documents from the Russian State Military Historical Archive (RSMHA). The author analyzes the current situation in Irkutsk Disciplinary Company in 1899. In that year, there was a visit of the War Minister of Russian Empire Aleksey N. Kuropatkin to Siberian Military District. That visit was of historic importance as it took place about 4 years prior the Russo-Japanese War of 1904–1905, and less than 7 months before the Siberian Military District mobi-

© Авилов Р. С., 2022

lization in response to the Boxer Rebellion in China. Its purpose was personal acquaintance of the War Minister with the recently created Siberian Military District; specifically, evaluation of the actual state and combat readiness of the dislocated troops, data gathering to further develop defense plans and regional military reforms in Siberia. Traveling by Trans-Siberian Railway, Kuropatkin inspected troops of the largest Siberian garrisons in cities of Omsk, Tomsk, Krasnoyarsk, Irkutsk, including Irkutsk Disciplinary Company in Irkutsk. In this article is first published the most detailed descriptions of the Company in the end of XIX century. It has been analyzed the quality of regular personnel, the drilling, property and economic status, barracks accommodation. It is described the problem of permanent overwork of Irkutsk Disciplinary Company as a result of sending all soldier-prisoners from Priamur Military District to this Company, because there was no any disciplinary troops in a Russian Far East. It has concluded that the minute improvement took place only after creation of Anutchinskaya Disciplinary Company in Russian Far East in 1908.

Keywords: Siberian Military District, Irkutskiy Military District, Priamur Military District, Irkutsk Disciplinary Company, Anuchinskaya Disciplinary Company, Verkhneudinsk Disciplinary Battalion, Aleksey N. Kuropatkin, East Siberia, Transbaikal, Irkutsk, Russian Army

For citation: Avilov R. S. (2022) "But the Irkutsk Company must be recruited only from the troops of Priamur Military District..." The Irkutsk Disciplinary Company in 1899 (based on material of visit of Aleksey N. Kuropatkin). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 1. P. 161-172. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-161-172>

Настоящая статья продолжает цикл публикаций по истории поездки военного министра Российской империи генерал-адъютанта А. Н. Куропаткина в Сибирский военный округ в 1899 г., в рамках которой он впервые посетил Забайкалье, лично осмотрел различные военные учреждения и познакомился с дислоцировавшимися там войсками. В предыдущих статьях уже были рассмотрены общий ход поездки (Авилов, 2019), знакомство министра с военно-учебными (Авилов, 2021a; Авилов, 2021b) и военно-медицинскими (Авилов, 2021d) учреждениями в Иркутске, а также состоянием Иркутской и Красноярской казачьих сотен (Авилов, 2021c). В данной работе остановимся на осмотре А. Н. Куропаткиным и его свитой Иркутской дисциплинарной роты – единственной дисциплинарной части на огромном пространстве от Иркутска до побережья Тихого океана.

В советской историографии эта поездка не исследовалась (Бескровный, 1977; Бескровный, 1986; Зайончковский, 1973), в обобщающих работах по истории Сибирского и Иркутского военных округов (Авилов, 2014; Копылов, Милюхин, Фабрика, 1995; Ращупкин, 2003), истории Иркутского и Енисейского казачьих войск (Романов, 1995; Романов, Новиков, 2009), современных исследованиях по истории военно-окружной системы (Безугольный, Ковалевский, Ковалев, 2012), русской армии (Ульянов, Леонов, 1998) и даже биографии А. Н. Куропаткина (Генерал Куропаткин..., 2018; Субботин, 2019) данные о ней фигурируют в минимальной степени.

Что касается самой Иркутской дисциплинарной роты, то по ней вообще опубликована лишь одна специализированная работа – доклад М. Ю. Кузнецова,

рассматривающий более ранний период ее истории – 1879–1884 гг. (Кузнецов, 2019), хотя она периодически и упоминается в обзорных статьях по организации местных войск Восточного Сибирского военного округа (Кузнецов, 2018). Между тем история этой части, как обслуживавшей на протяжении длительного периода времени сразу два военных округа: в 1884–1899 гг. – Иркутский и Приамурский, в 1899–1906 гг. – Сибирский и Приамурский, а в 1906–1908 гг. – снова Иркутский и Приамурский, заслуживает самого тщательного исследования на всех этапах ее истории. Выявление в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) полного комплекса материалов по истории поездки военного министра А. Н. Куропаткина в Сибирский военный округ в 1899 г. позволяет во всех подробностях взглянуть на организацию быта и службы Иркутской дисциплинарной роты, а также впервые ввести в научный оборот подробные данные о ее состоянии к началу XX в. В этом и состоит цель настоящей статьи.

Впервые дисциплинарная часть в Иркутске появилась в 1873 г., когда была создана рассчитанная на 200 арестантов Иркутская военно-исправительная рота. Предполагалось, что в нее будут направляться штрафованные нижние чины со всего Восточного Сибирского военного округа¹. В дальнейшем, на осно-

¹ Высочайше утвержденное 6 января 1873 г. положение Военного Совета, объявленное в приказе по военному ведомству 20-го того же января Об учреждении Иркутской военно-исправительной роты // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (ПСЗ РИ II). СПб., 1873. Т. 48. № 51736; Приказ по военному ведомству

вании высочайше утвержденного 6 мая 1878 г. «Положения о дисциплинарных батальонах и ротах»², Иркутская военно-исправительная рота была переформирована в 1879 г. в Иркутскую дисциплинарную роту, рассчитанную на 150 заключенных³.

По закону цель деятельности подобных частей заключалась в «приучении к требованиям дисциплины и обязанностям строевой службы», однако *de facto* они имели в первую очередь карательное назначение, поскольку отличались от обычных частей, прежде всего, «отягченным внутренним режимом». Нижние чины отдавались в дисциплинарные роты по приговорам военных судов главным образом за военные преступления, на срок от 1 до 3 лет. В этом случае они переводились в разряд штрафованных и получали ряд ограничений прав по службе. Попадали туда и за общие преступления, караемые заключением в крепости или тюрьме гражданского ведомства с ограничением некоторых особых прав и преимуществ. В последнем случае отдача в дисциплинарные роты заменяла гражданское наказание и сопровождалась вышеуказанным поражением в правах и переводом в разряд штрафованных. Попавшие в дисциплинарную роту нижние чины продолжали числиться в списках своих частей и отмечались находящимися в роте (Тавастшерна, 1912).

Наиболее подробное из опубликованных к настоящему времени описаний Иркутской дисциплинарной роты относится к 18 сентября 1882 г., и сохранилось в документах инспекторского смотра роты Иркутским губернским воинским начальником, которым в то время был генерал-майор А. П. Рева (Кузнецов, 2019. С. 61–62). Куда более детальные документы удалось выявить в материалах поездки по Сибири в 1899 г. военного министра А. Н. Куропаткина и сопровождавших его лиц.

Особенность ознакомления столичных гостей с состоянием Иркутской дисциплинарной роты заключалась в том, что ее специальный осмотр проводили

не один, а два человека, причем независимо друг от друга. Первым был начальник отделения Главного штаба, Генерального Штаба полковник Е. Г. Гарф, осмотревший роту 20 и 21 октября одновременно с военным министром. Вторым ревизором стал помощник главного военного прокурора генерал-майор П. Ф. Лузанов, специально взятый А. Н. Куропаткиным с собой для осмотра и ревизии Омского и Иркутского окружных судов. Точная дата проведенного им осмотра не известна, но подготовленный по его результатам рапорт военному министру датирован 16 ноября 1899 г. (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 19, 63–65; 84 об.–86 об.). Оба ревизора отметили, что состояние роты очень далеко от идеала, но их выводы и рекомендации не дублировали, а взаимно дополняли друг друга.

Штатный состав роты предполагал наличие 150 заключенных при 3 офицерах и 34 кадровых нижних чинах. По списку же в день смотра оказалось 3 офицера, 33 кадровых нижних чина и 149 заключенных (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 33 об.). Списочный состав Иркутской дисциплинарной роты на момент осмотра был следующий (Табл.).

В числе отсутствовавших было всего 27 чел. Причем из 12 больных четверо лечились от сифилиса (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 33 об., 63).

Проверка полковником Е. Г. Гарфом строевого обучения роты показала нетвердое знание строя личным составом части. На месте рота была выровнена хорошо, но винтовки на плечо и на караул держали разнообразно. Прием «на руку» делался неправильно – не верно выставлялась левая нога, почему и ружье, и плечи принимали неправильное положение. Шаг был не достаточно твердым и слишком частым (136 шагов в минуту), вследствие чего личный состав с трудом держал ногу, что особенно замечалось при перестроениях. Беглый шаг был хороший.

При движениях колонн не было достаточного равенства по шеренгам и особенно в затылок. При построении колонн и развертывании из них роты, взводные унтер-офицеры командовали не сноровисто: останавливали слишком рано свои взводы, не дав людям выстроиться по рядам. Дистанция в колоннах не соблюдалась, во фронте не было достаточной тишины – после ружейных приемов, поворотов и остановок люди долго шевелились. Вздваивание и выстраивание рядов делалось в роте правильно, и люди показали достаточное внимание, но к рассыпному строю взводные унтер-офицеры оказались под-

№ 22 от 20 января 1873 г. // Приказы по военному ведомству за 1873 г. СПб.: Военная типография, 1873.

² Высочайше утвержденное 6 мая 1878 г. Положение о дисциплинарных батальонах и ротах // ПСЗ РИ II. Т. 53. № 58477; Приказ по военному ведомству № 139 от 17 мая 1878 г. // Приказы по военному ведомству за 1878 г. СПб.: Военная типография, 1878.

³ Приказ по военному ведомству № 26 от 31 января 1879 г. // Приказы по военному ведомству за 1879 г. СПб.: Военная типография, 1879.

Таблица. Состав Иркутской дисциплинарной роты к 20 октября 1899 г.**Table. The state of Irkutsk Disciplinary Campaign to October 20, 1899**

	Офицеров	Унтер-офицеров	Музыкантов	Рядовых	Итого
<i>Списочный состав роты</i>					
а) Постоянный состав	3	19	5	9	33
б) Заключенных	"	"	"	149	149
Итого	3	19	5	158	182
<i>Присутствовало на смотре</i>					
а) Постоянный состав	3	15	4	2	21
б) Заключенных	"	"	"	134	134
Итого	3	15	4	136	155
<i>Отсутствовало</i>					
а) Постоянный состав	"	4	1	7	12
б) Заключенных	"	"	"	15	15
Итого	"	4	1	22	27

готовлены недостаточно. Ни один из них не умел правильно рассыпать свой взвод или отвести его в резерв. «Вообще, по заявлению командира роты⁴, – докладывал полковник Е. Г. Гарф, – кадровые нижние чины не удовлетворяют своему назначению, что объясняется тем, что начальники частей командируют в дисциплинарную роту плохих унтер-офицеров и ефрейторов» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 63–63 об.). Последнее было вполне закономерно, так как делиться лучшим унтер-офицерским составом с дисциплинарной ротой, участие которой в боевых действиях даже в случае начала крупномасштабной войны было исключено, командирам строевых частей не хотелось.

На удивление хорошо в роте оказалась поставлена гимнастика, т. е. физическая подготовка, по современной терминологии. Лазанье по наклонной лестнице в присутствии ревизора произвели весьма удовлетворительно. Совершенно слабых не было, причем слабее оказались кадровые нижние чины. Лазанье по шестам и канатам было произведено очень хорошо как кадровыми, так и заключенными. Перелезание через стенку – хорошо, и только 2 заключенных не смогли перелезть без посторонней помощи. Даже упражнение на параллельных брусьях производились хорошо как кадровыми чинами, так и заключенными.

Сведения, обязательные для каждого рядового, нижние чины знали удовлетворительно, причем луч-

ше других оказался подготовлен взвод исправляющихся (1 взвод) – «видно больше старания». Слабее других были усвоены сведения по ручному стрелковому оружию (сборка и разборка, чистка и бережение винтовки). Лучше других – по караульной службе.

Размещение роты было хотя и тесным, но сравнительно неплохим. Жилое помещение находилось в отдельном флигеле и было недостаточно просторным (255 куб. сажень), особенно когда в роте содержалось заключенных больше, чем положено по штату. Последнее бывало очень часто, ввиду того, что все, приговоренные к заключению в дисциплинарную роту из войск Приамурского военного округа, направлялись в Иркутскую дисциплинарную роту, поскольку на российском Дальнем Востоке в то время дисциплинарных частей еще не было.

«Все помещение заставлено кроватями и места для занятий нет. В общем помещение содержится в порядке и чистоте, хотя щегольства в этом отношении не видно.

В одном же здании с жилым помещением находится умывальная комната и отхожее место с 10 выносными стульчаками; запаху в отхожем месте никакого не было и на это обращено должное внимание. Кухня (она же – хлебопекарня) просторная и содержится чисто; она помещается в одном флигеле со столовою. Столовая во 2-м этаже – очень тесная; пол старый и доски почти на половину стерлись, вследствие чего она производит не особенно благоприятное впечатление в отношении чистоты» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 63 об.).

⁴ Ротой в то время командовал подполковник Георгий Федорович Козьмин.

В роте имелись чистые и содержавшиеся в полном порядке погреба для капусты и картофеля. Провиантский цейхгауз тоже найденный чистым вместе с ларями для крупы. Вещевой цейхгауз – в порядке, а десять одиночных карцеров размещались в очень старом здании и потому производили «впечатление не совсем благоприятное в смысле чистоты. Церковь небогатая, но хорошо устроена; на вид она несколько мала для роты, но командир роты заявил, что в ней может разместиться 150 человек», – констатировал Е. Г. Гарф (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 63 об.).

Внутренний порядок в роте вызвал у ревизирующего полковника куда больше нареканий: «На внутренний порядок следовало бы обратить больше внимания; у очень многих нижних чинов было надето грязное белье; меняют его только один раз в неделю.

Взводные унтер-офицеры (кадровые) плохо знают нижних чинов вверенных им взводов. Так взводный 2-го взвода не знал семейных и мастеровых своего взвода; о наложенных взысканиях знал; взводный 3-го взвода не знал на кого наложено наибольшее число взысканий; взводный 4-го взвода не знал семейных и на кого наложено наибольшее число взысканий. Исключение составляет лишь взводный унтер-офицер исправляющегося (1-го) взвода, который отлично знал своих нижних чинов во всех отношениях.

При проверке взводных унтер-офицеров выяснилось, что далеко не все наложенные дисциплинарные взыскания вписываются в журнал взысканий; это обнаружилось во 2-м, 3-м и 4-м взводах.

В 1-м взводе (исправляющихся) нижние чины ведут себя прекрасно и за все время только на 1 нижнего чина наложено дисциплинарное взыскание и то за маловажный проступок» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 63 об.–64).

Распорядок дня в роте был установлен следующий. Люди вставали в 5 час. утра. 1 час. давался им на уборку и осмотр. В 6 час. – чай, с 7 до 8 час. – гимнастика, с 8 до 9½ – стрелковое дело, с 9½ до 11 час. – строевые занятия, с 11 до 2 час. – обед и отдых, с 2 до 3½ час. занятия по уставам, с 3½ до 4½ час. – чай, с 4½ до 5½ час. – строевые занятия, с 5½ до 7 час. – занятия грамотностью и в то же время священник ведет духовные беседы и обучает нижних чинов Закону Божию, с 7 до 9 час. – ужин, в 9 час. проверка, после которой нижние чины ложатся спать (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 64).

На удивление хорошо была поставлена в роте хозяйственная часть. Полковник Е. Г. Гарф докладывал, что «продовольственная часть в роте устроена очень хорошо и в этом отношении командир роты проявлена большая заботливость». На питании нижних чинов явно не экономили. Они получали два раза в день горячую пищу: на обед суп или щи с ½ фунтом мяса и кашу (ячневую, гречневую или просыаную), на ужин производилась отдельная варка – гречневая или ячневая крупа с картофелем и салом. Два раза в день нижние чины получали чай с черным хлебом, но без сахара; в праздничные дни – сахар и булку, причем чай получали по желанию без ограничений.

Пища готовилась по раскладке, утвержденной начальником Иркутской местной бригады. По этой раскладке к обеду готовились: по понедельникам, средам и субботам щи из свежей или соленой капусты; по вторникам и пятницам – картофельный суп, по четвергам и воскресеньям – лапша. Постная пища готовилась только в 1, 4 и 7 неделю великого поста и по средам и пятницам во все посты. Капусту заготавливали из своего огорода, причем ее хватало на весь год. «Капуста прекрасная и я видел несколько кочней в 30 фунтов весом; капусты заготовлено 600 ведер», – отмечал ревизор. Картофеля было собрано с огорода 245 пудов. Мясо поставлялось подрядчиком по 3 руб. за пуд, причем «только задняя часть». Гречневую, ячневую и просыаную крупу получали из интендантства, а прочие продукты приобретались артельщиком.

В день смотра в роте были приготовлены щи из свежей капусты и гречневая каша. «Щи были вкусные, но в каше было растоплено несколько горькое масло. Порции весили около 24 золотников (на 3 фунта приходилось 13 порций), но режутся они не равномерно: 4 порции состояли исключительно из жиру без кусочка мяса; приказал их выдать дежурному по роте, артельщику и кашевару. При отчете оказалась одна лишняя порция», – отметил Е. Г. Гарф (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 64).

Хлеб выпекался прямо в роте, каждый день по 10–11 пудов из отпускаемой из Иркутского продовольственного магазина муки. Мука была хорошая, но хлеб, выпеченный 21 октября, в день посещения роты военным министром А. Н. Куропаткиным, сильно подгорел. Во взводы хлеб отпускался на 3-й день после выпечки по расчету 3 фунта на каждого нижнего чина. Взводные раздатчики резали хлеб и нижние чины ели с лотка сколько хотели за обедом, ужином и чаем. Причем хлеб съедался почти весь и остава-

лись только небольшие кусочки. Раз в месяц нижним чинам выдавали вместо хлеба по 2 фунта сухарей, отпускаемых из продовольственного магазина (т. е. склада) для освежения сухарного запаса. Рота же обязана была изготовить такое же количество свежих сухарей и сдать обратно в продовольственный магазин взамен полученных. Естественно хлеб нижние чины ели куда охотнее.

Достаточно хорошо обстояло дело и с вещевым довольствием роты. Ко дню смотра мундирная одежда 2-го срока службы была у нижних чинов отобрана, и им выдали обмундирование 1-го срока, осмотр которого показал, что оно сохранилось хорошо, хотя пригнано не особенно тщательно. Очень много мундиров 1-го срока оказалось с чересчур короткими рукавами. Затем в роте оказалось довольно много мундиров без клейм. Полковнику Е. Г. Гарфу особенно понравились шаровары и фуражки 1-го срока. Шинели тоже сохранились хорошо, но в их числе было несколько маломерных.

Отобранная перед смотром и сложенная в цейхгаузе мундирная одежда 2-го срока, тоже была тщательно осмотрена ревизором. Сохранилась она в целом удовлетворительно: было много очень хороших мундиров, но встречались и сильно поношенные.

Мундирной одежды 3-го срока в роте не оказалось вовсе, но зато была «большая экономия сукна, а именно: темнозеленого сукна имеется 400 аршин, а серого 490 аршин; это сукно составляет экономию от прикроя, ибо рота получает не готовые мундиры, а материалы и шьет уже сама мундирную одежду». Отсутствие мундиров 3-го срока объяснялось тем, что в дисциплинарных частях было установлено иное вещевое довольствие, нежели в остальных войсках. В дисциплинарных частях сроков выслуги мундирной одежды просто не было, и она заменялась новой, на основании инспекторских свидетельств, просто по мере того, как приходила в негодность (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 64 об.).

Собственных вещей у нижних чинов не было и все годовые вещи отпускались казной в том же размере, как нижним чинам войсковых частей с тем лишь отличием, что эти годовые вещи не выдавались заключенным на руки. Рота получала от интендантства материалы, из которых, по мере необходимости и изготавливали сапоги, белье и портянки. Все белье и сапоги делали сами заключенные, которых обучали сапожному и портняжному мастерству.

На момент осмотра в роте на каждого нижнего чина имелось по 1 паре сапог и по 2 штуки рубах, подштанников, портянок, наволочек и полотенец. Сверх того, в запасе имелось 200 комплектов всего белья, 6730 аршин рубашечного холста, 1290 аршин подкладочного холста, 975 пар подошв, 1090 пар пердегов, 680 пар голенищ и 150 пар подметок (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 64 об.).

При проверке финансовой отчетности выяснилось, что таковая ведется не на основании нового «Положения об управлении хозяйством в отдельных частях» 1897 г.⁵, а по формам, утвержденным еще штабом бывшего Иркутского военного округа в 1895 г. «Это недоразумение объясняется тем, что командир роты не считал для себя обязательным новое положение о хозяйстве, а инспектировавшие роту Начальствующие лица не обратили внимание на это отступление. Благодаря этому рота до сих пор обременена весьма сложною отчетностью» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 64 об.–65), в то время как новое положение эту отчетность значительно упрощало.

По денежному журналу к 20 октября 1899 г. в роте находилось: хозяйственных сумм – 542 руб. 67 коп., экономического капитала – 5039 руб. 43 коп., продовольственной суммы – 812 руб. 32 коп., церковной суммы – 970 руб. 26 коп., переходящей суммы – 1171 руб. 69 коп., собственных солдатских денег – 1785 руб. 55 коп., всего – 10 321 руб. 92 коп. Все деньги хранились в денежном ящике в казначействе, а у заведующего хозяйством на руках имелись, в виде аванса, только 200 руб.

Из собственных солдатских денег расход разрешается только на постановку свечей в церкви, и в большие праздники (Рождество, Св. Пасха) им покупались, по их желанию, колбаса, ветчина, яйца и булочки. Одно время в роте были заключенные, имевшие до 600 руб. собственных денег, но на момент проверки наиболее богатый имел 100 руб. и несколько человек – по 70–75 руб.

Деньги для себя и для роты, из заключенных, зарабатывали портные, сапожники, столяры и слесари, выполняя частные заказы, которые принимала рота. Половина заработанной суммы шла в пользу

⁵ Объявлено к обязательному руководству приказом по военному ведомству № 135 от 4 мая 1897 г. Приказ по военному ведомству № 135 от 4 мая 1897 г. // Приказы по военному ведомству за 1897 г. СПб.: Военная типография, 1897.

роты, вторая – в пользу работавших. Больше всего зарабатывали портные и сапожники, так как особенно многочисленными были посторонние заказы на одежду и обувь.

Журнал взысканий велся в роте правильно. Наибольшее число взысканий было наложено за куренье табака, однако многие взыскания «неизвестно по какой причине» в журнал записаны не были.

«В общем, – делал вывод Е. Г. Гарф, – рота представлялась только удовлетворительно. Нельзя отнять у командира роты, что он заботится о заключенных и обращается с ними гуманно» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 65).

Последнее, с точки зрения помощника главного военного прокурора генерал-майора П. Ф. Лузанова, второго ревизора роты, было скорее недостатком, чем достоинством ее командира: «Начальник Иркутской дисциплинарной роты, Подполковник Козьмин относится к службе с полным усердием и любовью, но обращает более внимания на хозяйственную часть, находящуюся в прекрасном состоянии, а не на дело исправления арестантов, вследствие чего многие существенные постановления Положения о дисциплинарных частях или не применяются вовсе, или же применяются не надлежащим образом. Так, например, увольнение со двора одних исправляющихся заключенных, без конвоя, как для исполнения поручений начальства, так и по собственной надобности, разрешаемое § 45 Положения, в Иркутской роте вовсе не применяется; сокращение срока пребывания в дисциплинарной части, допускаемое § 44-м для заключенных, отличающихся особенно хорошим поведением, обратилось в милость ко всем заключенным, ибо в Иркутской роте с сокращением срока выпускаются поголовно все заключенные» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 85 об.).

В Сибири П. Ф. Лузанов осмотрел обе дисциплинарные части: и Омскую, и Иркутскую роты, причем сравнение оказалось явно не в пользу последней. Про Омскую роту он доложил, что она найдена в прекрасном во всех отношениях состоянии. Иркутская же рота найдена – не в таком хорошем состоянии, как Омская. Проводя ту же мысль об отрицательном влиянии на роту крайнего недостатка помещений, что и Е. Г. Гарф, П. Ф. Лузанов доложил А. Н. Куропаткину последствия такого положения дел куда более подробно: «При роте не имеется ни манежа, ни учебного зала и все занятия, не исключая строевых и гимнастики, производятся в том самом помещении, в кото-

ром нижние чины спят. Помещение же это крайне тесно, на что обратил внимание Главный Военно-Медицинский Инспектор, при посещении роты летом прошлого года, когда в роте было на лицо лишь 149 человек. По штату в роте положено иметь 150 человек, но в действительности число заключенных почти постоянно превышает штатное число». При первом посещении П. Ф. Лузановым роты, в ней было 188 заключенных. Перед прибытием в Иркутск военного министра лишних сверх штата 38 человек срочно перевели в Омскую роту, что дало более благовидную внешнюю картинку, но не изменило сути сложившейся ситуации. При таком переполнении роты приходилось ежедневно для каждого учебного занятия сдвигать кровати и даже ставить часть из них одну на другую. Если к этому добавить неудовлетворительное состояние полов, требующих капитального ремонта, то нельзя было ожидать той чистоты, которая найдена была в Омской роте и которой должно отличаться каждое исправительное заведение. «Омская рота находится в этом отношении в исключительно благоприятных условиях, ибо в ней число заключенных всегда было менее штатного числа. Сопоставляя цифры заключенных в обеих этих ротах за последние годы, я прихожу к заключению, что всех приговариваемых в дисциплинарные роты из частей нынешнего Сибирского округа следует направлять исключительно в Омскую роту, так как и при этом число поступающих в эту роту не превысит штатного; Иркутскую же роту следует комплектовать исключительно из войск Приамурского военного округа (14 Октября из войск Приамурского военного округа было 108), число коих будет менее штатного, что даст возможность разместить их не так тесно и часть помещения отделить под учебный зал, а в будущем, с окончанием постройки здания для дисциплинарного батальона в Приамурском округе, упразднить Иркутскую дисциплинарную роту» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 84 об.–85 об.).

Любопытно, что никаких упомянутых в рапорте П. Ф. Лузанова зданий для дисциплинарного батальона в Приамурском военном округе строить даже не начинали, а вопрос о создании дисциплинарной части находился в стадии бесконечных дискуссий. О создании дисциплинарной части начальство округа ходатайствовало давно, так как численность войск в регионе постоянно росла, а штрафованных нижних чинов, которых надлежало переводить в подобного рода части, просто некуда было направлять. В результате они постоянно находились или в своих частях,

или на гауптвахтах, что, во-первых, было нарушением закона, а, во-вторых, чрезвычайно перегружало последние. В результате, из-за отсутствия свободных мест на гауптвахтах, за мелкие дисциплинарные нарушения, требовавшие краткосрочного заключения на гауптвахту, либо вовсе не наказывали, либо вынуждены были направлять провинившегося в другой гарнизон, где в тот момент имелось свободное место в гарнизонной гауптвахте, что было затратно и непрактично, поскольку наказуемого требовалось еще и конвоировать до места заключения.

С учетом наблюдавшегося в Приамурском военном округе после Японо-китайской войны 1894–1895 гг. роста численности войск, проблема отсутствия на его территории дисциплинарной части становилась все острее. Поэтому штрафованных нижних чинов с Дальнего Востока отправляли в Иркутск, в ближайшую к округу дисциплинарную часть, с каждым годом все больше. При этом сам процесс был до крайности неудобен и приводил к тому, что штрафованные часто проводили больше времени в тюрьме и на этапе, чем в Иркутской дисциплинарной роте. Наиболее вопиющая ситуация, по мнению П. Ф. Лузанова, была с нижними чинами, приговоренными к годичному заключению. В пути из Приамурского военного округа к месту отбывания наказания они проводили несколько месяцев, иногда зимовали в Верхнеудинской тюрьме, затем находились в роте всего от 2 до 4 месяцев. Более того, при сокращении сроков наказания по манифесту, были случаи пребывания нижних чинов в Иркутской дисциплинарной роте в течение лишь 18 дней. «Для избежания этого представляется желательным возбудить в законодательном порядке вопрос об установлении временно, впредь до устройства в Приамурском округе дисциплинарного батальона, замены для нижних чинов этого округа отдачи в дисциплинарные части на год другим наказанием», – резонно докладывал А. Н. Куропаткину помощник главного военного прокурора (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 85 об.). Осмотр двух сибирских дисциплинарных рот позволил П. Ф. Лузанову сформулировать в заключительной части рапорта военному министру и ряд неотложный мер по давно назревшему преобразованию военно-пенитенциарной системы в целом. Всего их насчитывалось 7.

1) *Отмена увеличения по суду срока пребывания в дисциплинарных частях.* По существовавшей системе, при совершении заключенными преступле-

ний, влекущих отдачу в военную тюрьму или заключение в дисциплинарные батальоны, они приговаривались судом к увеличению срока пребывания в дисциплинарной части на срок до 3 лет и потому могли оставаться в дисциплинарном батальоне или роте 6 и более лет. Такие нижние чины имелись во всех дисциплинарных частях и хотя их было сравнительно немного, но командиры дисциплинарных частей в один голос заявляли, что влияние их на остальных заключенных чрезвычайно пагубно. Такой порядок имел смысл при существовавших в предыдущее время продолжительных сроках службы, но не в конце XIX в. «Думать..., что солдат, пробывший 3 года в дисциплинарном батальоне, не исправившись, исправится, если его оставить там еще 3 года, было бы ошибочно». Поэтому предлагалось установить в законодательном порядке, что заключенные, которым за совершенные ими во время заключения проступки увеличен срок пребывания в дисциплинарном батальоне или роте, остаются в них до выслуги срока на перечисление в запас, а затем передаются для дальнейшего отбытия наказания в тюрьмы гражданского ведомства по установленной соразмерности этих наказаний (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 85 об.).

2) *Изменение § 54 Положения о дисциплинарных батальонах и ротах, воспрещающего заключенным всякого рода игры, пение и громкий разговор.* Против воспрещения игр П. Ф. Лузанов не возражал, но воспрещение громкого разговора, перенесенное в дисциплинарные батальоны из прежних военно-исправительных рот, где первоначально введенная система молчания была заменена воспрещением громкого разговора, казалось ему явным анахронизмом, и подлежала отмене, как действующая на нижних чинов угнетающе, а не перевоспитывающе. Он отмечал, что в целях исправительных полезно было бы допустить не только громкий разговор, но и пение в часы отдыха с разрешения начальства военных песен, что благоприятно отразится на духе заключенных, поскольку нравственно влиять гораздо легче на человека бодрого, веселого, здорового, нормального, нежели на молчаливого и угнетенного (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 85 об.–86).

3) *Воспрещение возложения на служащих в дисциплинарных батальонах и ротах каких бы то ни было поручений, не относящихся до круга их деятельности.* При хронической нехватке офицеров в сибирских и дальневосточных военных округах, в них бывали случаи назначения не только офи-

церов, но и начальника дисциплинарной роты временными членами военно-окружного суда, членами поверочных комиссий и т. п. «В виду крайне ограниченного персонала служащих казалось бы нельзя отвлекать их от прямых служебных обязанностей без вреда для дела».

4) *Установление подчинения священников дисциплинарных частей Протопресвитеру военного духовенства.* Официально, в соответствии с § 20 «Положения о дисциплинарных частях», священник дисциплинарного батальона или отдельной роты должен был назначаться по согласованию Командующего войсками военного округа с протопресвитером военного и морского духовенства. Однако при проверке оказалось, что священники Омской и Иркутской рот, хотя и занимают штатные должности в дисциплинарных частях, но, несмотря на это, состоят в ведении не протопресвитера, а епархиального начальства. Именно последнее назначало на должности и увольняло с них священников, и было совершенно не заинтересовано в назначении в эти части лучших священнослужителей. Страдали от подчинения по линии гражданского духовенства и сами священники, которые в результате служа исключительно в военном ведомстве, не имели права на признание участниками эмеритальной кассы лишь в силу того, что состояли в ведении епархиального, т. е. гражданского начальства, а это «является несправедливым в отношении их и побуждает их не дорожить службой в военном ведомстве».

5) *Установление порядка увольнения кадровых нижних чинов всех дисциплинарных частей одновременно с их сверстниками, служащими в строевых частях.* «В настоящее время, – докладывал А. Н. Куропаткину П. Ф. Лузанов, – согласно утвержденному Вашим Превосходительством представлению начальства бывшего Иркутского военного округа, из Иркутской роты будут уволены кадровые нижние чины, выслуживающие к 1 Января 1900 г. четыре года, а из Омской дисциплинарной роты, согласно приказу по войскам Сибирского военного округа от 5 Июля 1899 г. за № 4, лишь те кадровые нижние чины, которые выслуживают к 1 Января 1900 г. пять лет, что было как минимум несправедливо».

6) *Принятие мер к удержанию определенного числа кадровых нижних чинов на сверхсрочной службе.* «Меры эти должны заключаться в устройстве квартир для семейных, что, по мнению начальства дисциплинарных частей, будет стоить весьма недоро-

го и в установлении добавочного содержания, хотя для нескольких человек в каждой роте».

7) *Установление кандидатских списков для назначения на должности начальников дисциплинарных батальонов и рот.* Кандидатами на занятие должностей начальников дисциплинарных батальонов должны, по справедливости, считаться начальники дисциплинарных рот, аттестуемые заслуживающими служебного повышения, тогда как в настоящее время они никогда не могут получить батальон, поскольку замещение открывающихся вакансий делается штаб-офицерами по представлению того окружного начальства, в ведении которого открылась вакансия, и которому начальники дисциплинарных рот и их деятельность неизвестны. В кандидаты же на должности начальников дисциплинарных рот должны заноситься командиры рот дисциплинарных батальонов и строевые штаб-офицеры, если они до чина капитана служили в дисциплинарных частях и удостоены надлежащей аттестации (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 86–86 об.).

Выводы помощника главного военного прокурора были во многом справедливы, и частично даже попали в основной текст «Всеподданнейшего отчета Военного Министра об осмотре войск, управлений, учреждений и заведений Сибирского военного округа в 1899 году». Акцент в нем был сделан на недостаток в роте помещений и проблемы с полами в уже имеющихся. Причем отмечалось, что А. Н. Куропаткин разрешил командиру роты израсходовать из ротных экономических сумм не более 1000 руб. на окраску полов и приведение всех помещений в полную исправность, с тем, чтобы произведенный расход был возмещен впоследствии из сумм инженерного ведомства. Отмечалось также, что церковь ротная несколько тесна и бедно обставлена и ее необходимо расширить. Духовных книг для чтения в роте мало, почему А. Н. Куропаткин приказал купить книги (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 33 об.).

Порадовало министра удовлетворительное поведение заключенных – за 2 года телесному наказанию было подвергнуто только 2 нижних чина, а арестованных в день смотра не оказалось. Бросилось ему в глаза и то, что заключенные в роте во многом оказались подготовлены лучше, чем ее кадровый состав. Если заключенные делали гимнастику на машинах удовлетворительно, то кадровые – слабее. «Ротное ученье было произведено не вполне удовлетворительно; ружейные приемы делались не дружно

и ружья держали разнообразно; шаг не достаточно выработан – слишком част; беглый шаг хорош; внимание в строю было достаточное, но тишины полной не было. Кадровые унтер-офицеры плохо подготовлены к рассыпному строю», – констатировал А. Н. Куропаткин. Не вполне удовлетворительный кадровый состав роты был закономерным результатом неудачной системы его укомплектования. Однако меры для его изменения уже принимались. Предполагалось привлечь на службу в дисциплинарные части большее число сверхсрочно-служащих унтер-офицеров, которые будут пользоваться всеми преимуществами, установленными для сверхсрочных унтер-офицеров строевых частей войск. Это должно было заметно улучшить кадровый состав Омской и Иркутской дисциплинарных рот (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 33 об., 38 об.).

В общие выводы всеподданнейшего отчета вошли также рекомендации П. Ф. Лузанова прекратить держать в дисциплинарных частях заключенных нижних чинов более трех лет, просто отменив увеличение по суду срока пребывания в дисциплинарных частях, и отменить существующий для заключенных запрет громкого разговора и пения, так как «запрещение это действует угнетающим образом на заключенных» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 38 об.–39).

Однако о необходимости решения главной проблемы Иркутской дисциплинарной роты – прекращении отправки в нее штрафovaných нижних чинов из всего Приамурского военного округа посредством создания там своей дисциплинарной части, в отчете не было сказано ни слова. В условиях нарастания напряженности на Дальнем Востоке руководство Военного министерства в первую очередь занимал вопрос о войсках Приамурского военного округа, необходимых для ведения, в случае необходимости, активных боевых действий в регионе, а также подкреплений, которые можно было перебросить на Дальневосточный ТВД с сибирского тыла. А поскольку денег на усиление как первых, так и вторых, не хватало, то дискуссия о преобразовании дисциплинарных частей (использование которых в военных действиях вообще не предполагалось) до Русско-японской войны 1904–1905 гг. развивалась в русле реализации преобразований наиболее необходимых и наименее затратных.

Достаточно сказать, что дисциплинарную роту на 300 чел., названную по месту дислокации, в урочище Анучино, Анучинской в Приамурском военном

округе, после многочисленных ходатайств, сформировали только в 1908 г.⁶ (РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 881. Л. 2)! К этому времени резкий рост гарнизона Владивостокской крепости в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг., прибытие в округ в 1905–1906 гг. значительно большего количества войск, чем ушло на войну и события Первой русской революции 1905–1907 гг. сделали ситуацию с штрафованными нижними чинами катастрофической. Причем настолько, что создание одной дисциплинарной роты проблемы уже не решило, и Командующий войсками округа продолжил настойчиво ходатайствовать о необходимости создания теперь уже дисциплинарного батальона. Характерно, что первое ходатайство такого рода было подано инженер-генералом П. Ф. Унтербергером еще 5 февраля 1907 г., т. е. до формирования Анучинской дисциплинарной роты. На это представление Главный штаб уведомил его, что по этому вопросу Военный Совет, журналом от 18 октября 1907 г. положил: «ввести в план мероприятий на пятилетие 1909–1913 гг. а) Главному Штабу формирование в Приамурском округе дисциплинарного батальона и б) Главному Инженерному Управлению – постройку казармы». Причем эта мера могла быть осуществлена лишь «по испрошении кредитов на постройку помещений» (РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 881. Л. 4; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 883. Л. 4).

До начала Первой мировой войны дисциплинарный батальон в Приамурском военном округе так и не был сформирован (Росписание..., 1914. С. 546)⁷. Однако в 1910 г. во входившем в состав восстановленного Иркутского военного округа Забайкалье был сформирован Верхнеудинский дисциплинарный батальон⁸. В 1912 г. его перевели в г. Стретенск и переименовали в Стретенский⁹. Именно в эту часть, после 1910 г., и был перенаправлен из перегруженной Ир-

⁶ Высочайше утвержденное положение Военного Совета о формировании в урочище Анучино Приморской области временной дисциплинарной роты. 20 января 1908 г. // ПСЗ РИ III. Т. 28. № 29982.

⁷ Расписание сухопутных войск. Исправленное по 1 сентября 1914 г. СПб.: Военная типография, 1914. 578 с.

⁸ Приказ по военному ведомству № 312 от 4 июля 1910 г. // Приказы по военному ведомству за 1910 г. СПб.: Военная типография, 1910; Циркуляр Главного Штаба № 35 от 14 февраля 1911 г. // Циркуляры Главного Штаба за 1911 г. СПб.: Военная типография, 1911.

⁹ Циркуляр Главного Штаба № 259 от 19 декабря 1912 г. // Циркуляры Главного Штаба за 1912 г. СПб.: Военная типография, 1912.

кутской дисциплинарной роты излишек штрафованных нижних чинов, по-прежнему отправляемых в Сибирь с Дальнего Востока, где списочный состав

офицеров и нижних чинов достиг к 1 января 1913 г. 3074 и 120536 чел. соответственно (РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 893. Л. 1а.).

Список источников

Авилов Р. С. Военно-учебные заведения Забайкалья в 1899 г. Ч. 1. Иркутская пригособительная школа Сибирского кадетского корпуса (по материалам поездки А. Н. Куропаткина) // Известия Лаборатории древних технологий. 2021а. № 1. С. 182–194.

Авилов Р. С. Военно-учебные заведения Забайкалья в 1899 г. Ч. 2. Иркутское юнкерское училище (по материалам поездки А. Н. Куропаткина) // Известия Лаборатории древних технологий. 2021б. № 2. С. 112–126.

Авилов Р. С. Братья по несчастью: Иркутская и Красноярская казачьи сотни в 1899 г. (по материалам поездки А. Н. Куропаткина) // Известия Лаборатории древних технологий. 2021с. № 3. С. 146–159.

Авилов Р. С. Военно-врачебные заведения Забайкалья в 1899 г. (по материалам поездки А. Н. Куропаткина) // Известия Лаборатории древних технологий. 2021д. № 4. С. 168–178.

Авилов Р. С. Поездка военного министра А. Н. Куропаткина в Сибирский военный округ в 1899 г. и ее результаты // Мир политики и социологии. 2019. № 4. С. 157–176.

Авилов Р. С. Сибирский военный округ (1899–1906 гг.): страницы истории // Военно-исторический журнал. 2014. № 7. С. 15–21.

Безугольный А. Ю., Ковалевский Н. Ф., Ковалев В. Е. История военно-окружной системы в России. 1862–1918. М.: Центрполиграф, 2012. 463 с.

Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. М.: Наука, 1977. 615 с.

Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в начале XX века. М.: Наука, 1986. 238 с.

Генерал Куропаткин – государственный и военный деятель Российской империи. К 170-летию со дня рождения: коллективная монография. СПб.: Фонд «Университет», 2018. 370 с.

Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий: 1881–1903. М.: Мысль, 1973. 351 с.

Копылов В. А., Милухин В. П., Фабрика Ю. А. Сибирский военный округ: Первые страницы истории (1865–1917). Новосибирск, 1995. 246 с.

Кузнецов М. Ю. Иркутская дисциплинарная рота в 1879–1884 гг. // Двенадцатые Байкальские социально-гуманитарные чтения. В 2 т. Т. 1. Материалы. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019. С. 58–63.

References

Avilov R. S. (2021a) The military-educational institution of Transbaikal in 1899. Pt. 1. Irkutsk Preparatory School of Siberian Cadet Corps (based on material of visit of Aleksey N. Kuropatkin). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. No. 1. P. 182-194. (In Russ.).

Avilov R. S. (2021b) The military-educational institution of Transbaikal in 1899. Pt. 2. Irkutsk Junker School (based on material of visit of Aleksey N. Kuropatkin). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. No. 2. P. 112-126. (In Russ.).

Avilov R. S. (2021c) Companions in misfortune: Irkutsk and Krasnoyarsk Cossack hundreds in 1899 (based on material of visit of Aleksey N. Kuropatkin). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. No. 3. P. 146-159. (In Russ.).

Avilov R. S. (2021d) The military-medical institution of Transbaikal in 1899 (based on material of visit of Aleksey N. Kuropatkin). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. No. 4. P. 168-178. (In Russ.).

Avilov R. S. (2019) The 1899 visit of the War Minister gen. Kuropatkin to the Siberian Military District and its results. *Mir politiki i sotsiologii = World of Politics and Sociology*. No. 4. P. 157-176. (In Russ.).

Avilov R. S. (2014) Siberian Military District (1899-1906): pages of history. *Voенно-istoricheskii zhurnal = Military-History Magazine*. No. 7. P. 15-21. (In Russ.).

Bezugol'nyi A. Yu., Kovalevskii N. F., Kovalev V. E. (2012) The history of military-district system in Russia. 1862-1918. Moscow: Sentrpolugraph Publishing Company. 463 p. (In Russ.).

Beskrovnyi L. G. (1977) Russian Army and Fleet in XIX century. Moscow: Nauka. 615 p. (In Russ.).

Beskrovnyi L. G. (1986) Russian Army and Fleet in early XX century. Moscow: Nauka. 238 p. (In Russ.).

(2018) General Kuropatkin - State and Military Leader of the Russian Empire. 170th Anniversary of his Birth. Collective monograph. St. Petersburg: Foundation "University". 370 p. (In Russ.).

Zaionchkovskii P. A. (1973) Autocracy and the Russian Army in the late XIX - early XX century. 1881-1903. Moscow: Mysl'. 351 p. (In Russ.).

Kopylov V. A., Milyukhin V. P., Fabrika Yu. A. (1995) Siberian Military District: first pages of history (1865-1917). Novosibirsk. 246 p. (In Russ.).

Kuznetsov M. Yu. (2019) Irkutsk Disciplinary Company in 1879-1884. *Dvenedtsatiye Baikalskie socialno-gumanitarnye chtenia = 12th Baikal social-humanity readings*. In 2 Vol. Vol. 1. Materials. Irkutsk: Irkutsk State University. P. 58-63. (In Russ.).

Кузнецов М. Ю. Особенности организации управления местными войсками Восточно-Сибирского военного округа в 1865–1884 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 3. С. 136–149.

Ращупкин Ю. М. Иркутский военный округ во второй половине XIX – начале XX веков: формирование, специфика и деятельность. Иркутск : Вост.-Сиб. ин-т МВД России, 2003. 207 с.

Романов Г. И. Казачье население Иркутской губернии конца XIX – начала XX в. // Земля Иркутская. 1995. № 3. С. 30–33.

Романов Г. И., Новиков П. А. Иркутское казачество (2-я половина XVII – начало XX в.). Иркутск: Земля Иркутская, 2009. 352 с.

Субботин Ю. Ф. «Дела на Дальнем Востоке могут привести нас к конфликту с Японией» // Армия и флот в геополитических интересах России / отв. ред. И. С. Рыбаченок. М. : Институт Российской истории РАН, Центр гуманитарных инициатив, 2019. С. 145–182.

Тавастшерна А. В. Дисциплинарные батальоны и роты // Военная энциклопедия. СПб. : Т-во И. Д. Сытина, 1912. Т. 9. С. 118–119.

Ульянов Э. И., Леонов О. Регулярная пехота 1855–1918. М. : Изд-во АСТ-ЛТД, 1998. 288 с.

Информация об авторе

Р. С. Авилов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 690001, Владивосток, ул. Пушкинская, 89, Россия; главный библиотекарь Научной библиотеки, Дальневосточный федеральный университет, 690095, Владивосток, ул. Алеутская, 65-б, Россия.

Вклад автора

Авилов Р. С. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 19 ноября 2021 г.; одобрена после рецензирования 17 декабря 2021 г.; принята к публикации 10 января 2022 г.

Kuznetsov M. Yu. (2018) Features of the organization of management of local troops of the East-Siberian Military District in 1865-1884. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 14. No. 3. P. 136-149. (In Russ.).

Raschchupkin Yu. M. (2003) Irkutsk Military District in 2nd part of XIX - early XX centuries: creating, particularity and practice. Irkutsk: East-Siberian Institute of Russian Ministry of Internal Affairs. 207 p. (In Russ.).

Romanov G. I. (1995) Cossack population of Irkutsk governorate in late XIX - early XX century. *Zemlja Irkutskaya = Land of Irkutsk*. No. 3. P. 30-33. (In Russ.).

Romanov G. I., Novikov P. A. (2009) Kossaks of Irkutsk (2nd part of XVII - early XX century). Irkutsk: Terra Irkutsk. 352 p. (In Russ.).

Subbotin Yu. F. (2019) «The matters in the Far East may lead us to a conflict with Japan». *Armiya i flot v geopoliticheskikh interesakh Rossii = Army and Navy in geopolitical interests of Russia*. Moscow: Institute of Russian History RAS, Center of Human Initiative. P. 145-182. (In Russ.).

Tavastsherna A. V. (1912) Disciplinary battalions and companies. *Voennaya encyclopediya = Military Encyclopedia*. Vol. 9. St. Petersburg: I. D. Sytin Publishing Company. P. 118-119. (In Russ.).

Ul'yanov E. I., Leonov O. (1998) Regular infantry in 1855-1918. Moscow: AST-LTD. 288 p. (In Russ.).

Information about the author

R. S. Avilov – Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS, 89, Pushkinskaya St., Vladivostok 690001, Russia; Chief Librarian of the Scientific Library, Far Eastern Federal University, 65b, Aleutskaya St., Vladivostok 690095, Russia.

Contribution of the author

Avilov R. S. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted November 19, 2021; approved after reviewing December 17, 2021; accepted for publication January 10, 2022.